

Азаров В. Н. Европа в 1871—1900 гг.: политическое равновесие или подготовка к войне?
/ В. Н. Азаров // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29) : История. Социология. – С. 90–99.

УДК 94(4)“1871/1900”

Европа в 1871—1900 гг.: политическое равновесие или подготовка к войне?

В. Н. Азаров

Статья посвящена анализу международных отношений в Европе в последней трети XIX века. Рассматриваются главные международные конфликты этого периода, в первую очередь проблемы германо-французских отношений. Анализируются политические и дипломатические обстоятельства «военных тревог» 1875 и 1887 годов. Прослеживается эволюция внешнеполитических принципов и подходов, которыми руководствовались правительства России и Великобритании в ситуации возможного военного столкновения между Германией и Францией. Обращается внимание на невозможность координации действий России и Великобритании во время европейского кризиса 1887 года. Отмечаются изменения во внешней политике и дипломатии канцлера Отто фон Бисмарка после объединения Германии. Уделяется внимание вопросу о соотношении сил ведущих европейских государств в военной области. По мнению автора статьи, дипломатическое урегулирование международных кризисов в данный период свидетельствует о том, что правительства европейских государств рассматривали войну только как крайний, нежелательный способ реализации своих внешнеполитических целей. Следовательно, можно говорить об установлении в Европе длительного периода политического равновесия и неубедительности традиционных историографических точек зрения, рассматривающих европейские отношения 1871—1900 годов преимущественно как начало складывания предпосылок первой мировой войны.

Ключевые слова: Европа; Бисмарк; Горчаков; Россия; Франция; «военная тревога»; дипломатия.

Последняя треть XIX века часто рассматривается в исторической науке как промежуточный период европейской истории, некое преддверие к событиям начала XX века, логично завершившимся катастрофой 1914 года. При изучении международных отношений этого времени особое внимание уделяется политическим союзам, заключавшимся между ведущими европейскими государствами. Образование Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) в 1882 году и франко-русского союза 1891—1893 гг. расценивается как начало складывания международно-политических предпосылок первой мировой войны. Но была ли ситуация столь однозначной? Можно ли рассматривать внешнюю политику европейских государств, в первую очередь Германии, в последней трети XIX века исключительно как стремление создать необходимые условия для реализации своих целей военным путём? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы.

Как известно, основные международные противоречия и конфликты 1870—1890-х гг. можно свести к трём основным пунктам. Во-первых, итоги франко-прусской войны 1870—1871 гг., превратившей Германию и Францию в непримиримых противников на длительный исторический период. Во-вторых, балканский узел противоречий 1870—1880-х гг.: продолжающийся кризис Османской империи, образование независимых государств на Юго-Востоке Европы, вопрос о судьбе Константинополя и черноморских проливов. В-третьих, колониальное соперничество Англии и Франции в Северной Африке, России и Англии на Среднем Востоке. Самым острым из этих конфликтов, безусловно, являлся германо-французский, вызванный потерей Францией Эльзаса и Восточной Лотарингии. В результате общественно-политическая жизнь Франции более сорока лет протекала под знаком реванша, возвращения утраченных территорий. Несколько раз, особенно в 1875 и 1887 годах, казалось, что новая война между Германией и Францией, грозящая перерасти в общеевропейскую, неизбежна. В советской исторической литературе сложилась чёткая, определённая

концепция «военных тревог» 1875 и 1887 гг., которая сводится к следующим основным моментам. Оба раза германское правительство, возглавляемое канцлером О. фон Бисмарком, стремилось к окончательному военному разгрому Франции и утверждению своей гегемонии в континентальной Европе, и оба раза было вынуждено отступить из-за твёрдой позиции России и Великобритании. Очень характерна, например, оценка событий 1887 года, сделанная известным советским историком В. М. Хвостовым: «Бисмарку наконец стало ясно, что <...> на поддержку России рассчитывать не приходится. При таких условиях Бисмарку оставалось только одно — отказаться от плана нападения на Францию» [История дипломатии..., 2009, с. 655]. Данная точка зрения, может быть, в несколько смягчённой форме продолжает доминировать в отечественной научной и учебной литературе. На наш взгляд, если бы канцлер Бисмарк действительно преследовал цель любой ценой разгромить Францию, то в 1875 и 1887 гг. ни Россия, ни Великобритания не смогли бы ему помешать. Нет серьёзных оснований утверждать, что Россия и Великобритания в ходе рассматриваемых событий предприняли бы какие-либо действия, выходящие за рамки мер дипломатического характера.

На момент «военной тревоги» 1875 года отношения России и Германии определялись рядом соглашений, известных под названием Союза трёх императоров (Александр II, Вильгельм I, Франц-Иосиф I), по которым стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь, но только в случае нападения на одну из сторон [Дипломатический словарь, 1986, т. III, с. 393]. Известно, что российский император Александр II придерживался прогерманской ориентации во внешней политике, в то время как его министр иностранных дел князь А. М. Горчаков относился к политике канцлера Бисмарка очень настороженно, опасаясь чрезмерного усиления Германии. Однако речь шла только о дипломатических нюансах, о чём наглядно свидетельствуют события франко-прусской войны 1870—1871 гг. Осенью 1870 года французское правительство обратилось к России с прось-

бой о посредничестве в заключении мира с Пруссией, в результате чего состоялось несколько бесед князя А. М. Горчакова с французским поверенным в делах де Габриаком. Российский министр иностранных дел был очень любезен, обещал, что Александр II направит письмо Вильгельму I с просьбой о приемлемых для Франции условиях мира, заявил, что если будет создан европейский конгресс по этому вопросу, то позиция России будет активной и благожелательной по отношению к Франции. Однако, попросив французского дипломата показать запись состоявшейся беседы и увидев в ней фразу: «Россия не допустит мира, не основанного на нашей территориальной целостности», — А. М. Горчаков был категоричен: «Не допустить какого-либо положения — это для великой державы значит обратиться к оружию, чтобы воспрепятствовать ему. Россия не может идти так далеко» [История дипломатии..., 2009, с. 566]. Аналогичный подход был продемонстрирован во время визита в Петербург главы французского правительства А. Тьера в октябре 1870 года. В ходе беседы А. М. Горчаков заявил французскому руководителю, что император Александр II «окажет Вам помощь, чтобы завязать переговоры, но не больше» [Там же, с. 566—567]. Нет никаких свидетельств тому, что в ходе кризиса 1875 года позиция России могла бы принципиально измениться по сравнению с ситуацией 1870—1871 гг. Даже министр иностранных дел А. М. Горчаков, наиболее критично настроенный к Германии политический деятель из окружения Александра II, не был готов идти дальше дипломатических шагов. Безусловно, в случае нового военного конфликта между Германией и Францией Россия ни при каких обстоятельствах не признала бы Францию агрессором и не стала бы выполнять свои обязательства в рамках Союза трёх императоров. Но учитывая германскую ориентацию Александра II, внутреннее положение страны в середине 1870-х гг. (болезненные реформы, в том числе военная), мощь германской армии, продемонстрированную в ходе войны 1870—1871 гг., возможность военного вмешательства России в случае, если бы «военная тревога» 1875 года

закончилась новой войной между Германией и Францией, представляется абсолютно нереалистичной.

Позиция британского правительства во время кризиса 1875 года была более твёрдой, чем позиция России. Премьер-министр Б. Дизраэли назвал канцлера Бисмарка новым Наполеоном и заявил, что процесс усиления Германской империи должен быть остановлен [История дипломатии..., 2009, с. 588]. Однако практические действия британского правительства сводились только к организации совместно с Россией дипломатического давления на Германию в попытке не допустить новой войны на европейском континенте. О каких-либо военных действиях со стороны Англии не могло быть и речи независимо от развития германо-французского конфликта. Таким образом, можно сделать вывод, что военно-стратегическая ситуация в Европе в 1875 году мало чем отличалась по сравнению с 1870—1871 гг., и если бы канцлер Бисмарк действительно преследовал цель полного военного разгрома Франции, то, вероятнее всего, он бы этой цели достиг. Другое дело, что в этом случае Германия оказывалась бы в полной дипломатической изоляции. На этот раз никоим образом не удалось бы обвинить в развязывании войны Францию. Это противоречило основным принципам дипломатии Бисмарка, который, как известно, в ходе объединения Германии всегда стремился выставить в неприглядном свете своих противников, а войны Пруссии представить как справедливую борьбу во имя немецкого единства. Тем не менее такие факторы как дипломатическая изоляция, осуждение общественного мнения, редко останавливают правительства великих держав, если они считают, что своих стратегических целей могут добиться только с помощью применения военной силы и для этого созданы благоприятные условия. Ярким примером такого подхода является англо-бурская война 1899—1902 гг., когда правительство Великобритании военным путём добилось осуществления своих колониальных целей в Южной Африке, не обращая внимания на единодушное осуждение европейского общественного мнения. Думается,

можно утверждать, что в 1870-е гг. Германия имела полное доминирование своих сухопутных вооружённых сил на европейском континенте, и в случае возникновения новой войны между Германией и Францией исход военных действий был бы предreshён. Поэтому, на наш взгляд, «военная тревога» 1875 года, как, впрочем, и 1887 года, не превратилась в полномасштабную войну не из-за позиции Великобритании и России, которые якобы остановили Германию, а в силу того, что канцлер Бисмарк не стремился к новой войне с Францией. Скорее всего, Бисмарк был вполне удовлетворён результатами своей политики по объединению Германии, реалистично оценивал международное положение Германской империи и рассматривал возможную новую войну в Европе только как крайний и нежелательный вариант развития событий.

«Военная тревога» 1887 года, вызванная главным образом внутривосточными событиями во Франции, продемонстрировала существенные изменения в дипломатических подходах России и Великобритании к проблеме германо-французских отношений. Российский император Александр III, в отличие от своего отца Александра II, очень критично и недоверчиво относился к внешней политике Германии, в то время как министр иностранных дел Н. К. Гирс, сменивший на этом посту князя А. М. Горчакова, был сторонником сохранения дружественных отношений с Германией. Поэтому во время кризиса 1887 года Александр III однозначно поддержал Францию, но его министр иностранных дел всячески стремился смягчить эту позицию и не допустить резкого ухудшения российско-германских отношений. Тем не менее в 1887 году Российский император, судя по всему, не был готов идти дальше оказания Франции «моральной поддержки» [История дипломатии..., 2009, с. 654]. Интересно, что и французское правительство в 1887 году воспринимало возможность российской поддержки в конфликте с Германией довольно скептически. Например, министр иностранных дел Э. Флуранс пришёл к выводу, что попытка заключения союза с Россией была бы крайне опас-

ной, так как это могло стать последней каплей, которая подтолкнула бы канцлера Бисмарка нанести превентивный удар по Франции, а никакой реальной помощи от Петербурга в этом случае не последовало бы [Там же, с. 655].

Британская политика в отношении противостояния Германии и Франции претерпела ещё более серьёзную эволюцию по сравнению с российской. Если в 1875 году премьер-министр Дизраэли, как уже упоминалось, видел главную угрозу британским интересам в усилении Германской империи, то в 1887 году правительство лорда Солсбери считало главными противниками Англии Россию и Францию. Причинами такого подхода стали серьёзные разногласия между Россией и Англией по вопросам о положении на Балканах и судьбе черноморских проливов, а также обострение англо-французского колониального соперничества в Египте. В результате премьер-министр Солсбери пришёл к заключению, что если кризис 1887 года закончится войной, то наименьшим злом для Британии стала бы новая война между Германией и Францией. Лорд Солсбери организовал публикацию нескольких статей в британской прессе, в которых прямо говорилось, что в случае германского вторжения в Бельгию Британия не собирается защищать бельгийский нейтралитет, как это было предусмотрено по договору 1839 года [Виноградов и др., 2002, с. 176—177].

Таким образом, во время «военной тревоги» 1887 года, в отличие от кризиса 1875 года, какие-либо совместные действия России и Великобритании были полностью исключены. Более того, британское правительство посылало ясный дипломатический сигнал канцлеру Бисмарку, что в случае, если он решит нанести военный удар по Франции, Великобритания останется нейтральной. Нельзя забывать и о том, что на этот раз напряжённость в германо-французских отношениях была вызвана неосторожными действиями французских руководителей, в первую очередь генерала Буланже, который пытался добиться своих политических целей, в том числе с помощью во-

инственных заявлений о возвращении утраченных Эльзаса и Лотарингии. Казалось бы, канцлер Бисмарк получил благоприятную возможность организовать очередную «оборонительную» войну во имя немецких интересов, наподобие войн периода объединения Германии. Тем не менее кризис 1887 года был разрешён дипломатическим путём. На наш взгляд, нельзя утверждать, что это произошло из-за позиции России и опасений Бисмарка по поводу возможной войны на два фронта. Военная конвенция между Россией и Францией была заключена только в 1892 году. Но даже если германские руководители допускали, учитывая непредсказуемость российской внешней политики, возможность военного вмешательства России, это не могло их остановить, если бы они считали военный разгром Франции своей первоочередной стратегической задачей. Военный потенциал России, состояние её армии в рассматриваемый период (наиболее показательна в этом плане русско-турецкая война 1877—1878 гг.) позволяют сделать вывод, что в 1887 году Россия ни при каких обстоятельствах, особенно с учётом нейтралитета Великобритании, не могла рассматриваться как серьёзная военная угроза для Германии. Логика действий канцлера Бисмарка во время международного кризиса 1887 года не изменилась по сравнению с кризисом 1875 года. Это подтверждается, на наш взгляд, заключением «перестраховочного договора» с Россией в том же 1887 году. По этому договору Германия обязалась оказать России дипломатическую поддержку в случае, если бы российское правительство решилось на военные меры против Турции на Балканах или в районе черноморских проливов [Дипломатический словарь..., 1985, т. II, с. 359—360]. Канцлер Бисмарк не мог не понимать, что тем самым он подталкивает Россию к прямой конфронтации с Великобританией, но, как ни парадоксально, это доказывает нежелание «железного канцлера» решать свои внешнеполитические задачи в 1887 году военным путём. Подход Бисмарка к решению международных проблем полностью совпадает с принципами лорда Солсбери: если Европе суждено быть ввергнутой в но-

вую войну, то пусть в ней участвуют любые страны, кроме его собственной.

В целом анализ международных отношений последней трети XIX века показывает, что правительства ведущих европейских государств, несмотря на противоречия и конфликты между ними, не стремились к войне, рассматривали возможность реализации своих внешнеполитических целей военным путём только как крайний и очень нежелательный вариант развития событий. Этот вывод подтверждается фактом дипломатического урегулирования кризисов в германо-французских отношениях в 1875 и 1887 гг. То же самое можно сказать в отношении балканских противоречий. Оказавшись в 1878 и в 1886—1887 гг. на грани войны из-за столкновения интересов на Балканах и в районе Чёрного моря, правительства Великобритании и России предпочли не переступить роковую черту, урегулировав конфликт путём взаимных уступок. Можно утверждать, что после бурных событий 1850—1860-х гг., связанных с объединением Германии и Италии, в Европе установился длительный период политического равновесия. Многочисленные соглашения и союзы, заключавшиеся в 1870—1890-е гг. между правительствами европейских государств и направленные друг против друга, объявлялись оборонительными и, что гораздо более важно, не несли в себе жёсткой предопределённости внешнеполитических действий правительств в кризисных ситуациях. Исключение в этом ряду представляет франко-русский союз 1891—1893 гг. В то же время такие типичные для Европы последней трети XIX века явления, как взаимное недоверие государств, стремление добиваться своих политических целей за счёт других, постоянное наращивание вооружений, имели свою логику и могли привести к военному столкновению помимо желания большинства вовлечённых в противостояние сторон. Противоречивые тенденции международной жизни нашли отражение в европейском общественном мнении накануне первой мировой войны. Как ни наивно это сейчас выглядит, но тогда, после сорока с лишним лет мира на континенте,

европейцам казалось, что новая большая война просто невозможна, а международные конфликты воспринимались как игры политиков, не затрагивающие повседневную жизнь людей. Поэтому события лета 1914 года оказались для европейской общественности полной неожиданностью и произвели шоковое впечатление.

Литература

1. *Виноградов К. Б.* Маркиз Солсбери : последний архитектор Рах Britannica / К. Б. Виноградов, О. А. Науменков // *Монархи, министры, дипломаты XIX — начала XX веков : сборник статей.* — Санкт-Петербург : Изд.-во С.-Петерб. ун.-та, 2002. — С. 156—192.
2. *Дипломатический словарь : в трёх томах / А. А. Громыко [и др.].* — Москва : Наука, 1984—1986. — Том I. — 424 с. — Том II. — 503 с. — Том III. — 751 с.
3. *История дипломатии : сборник / сост. А. Лактионов.* — Москва : АСТ Москва, 2009. — 943 с.

© **Азаров Вячеслав Николаевич (2014)**, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), vnazarov.urfu@yandex.ru.